Я проснулся, ощущая тепло и заметно меньше липкости, чем в прошлый раз.

Рядом со мной лежала женщина и крепко спала.

— Мой… Хар… ча… не… гой… путь, — бормотала она во сне что-то, что я не мог разобрать, но, увидев вывеску за окном комнаты, понял, что я нахожусь в нужном месте. Теперь оставалось только убедить их усыновить меня с помощью моего нового суперумения - ультрамилости!

Мне было стыдно за то, что я так воспользовался их памятью об их ребенке. Я бы так сказал, если бы был слабаком.

Нет. Мораль - это чушь и ничего не значит в этом новом мире. Это просто инструмент для сильных, чтобы держать слабых на месте, пока они продолжают делать все, что хотят, без упреков.

И чтобы противостоять миру дерьмовой логики и морали, мне придется выйти за рамки глупых общественных понятий. Утилитаризм, детка!

Я легонько подтолкнул женщину, спящую рядом со мной. Настало время для первого шага в моей новой жизни.

Вперед.

— Уммуму... — невнятно пробормотала она, просыпаясь.

Потом она увидела меня, смотрящего на нее в ответ самыми невинными большими детскими глазами.

— О, ты проснулась. Ты проснулся! Милый! Он проснулся! — закричала она, зовя мужа.

— Что!? Подожди. Я сейчас приду, — откликнулся он из другой комнаты, когда по кафельному полу раздались звуки приближающихся шагов.

— Привет, дружище! — сказал он, усаживаясь на диван напротив меня.

— Как ты себя чувствуешь? Болит где-нибудь? — спросил он, нежно поглаживая мои волосы.

Я застенчиво покачал головой и вжался в диван.

— Не бойся. Я не причиню тебе вреда, — прошептал он.

Да. Именно так сказал бы тот, кто хотел причинить мне боль. Как этот парень вообще мог быть родителем?

— Не волнуйся, — сказала женщина, — Все будет хорошо. Все в порядке, — она нежно обняла меня, ее костлявые плечи прижались к моим.

Честно говоря, сама она выглядела потрепанной, истощенной и больной. На ее боках виднелись шрамы, слегка проступающие сквозь одежду.

«Черт! Это что, домашнее насилие? Что это за дом, в который я попал? Неужели Другой обманул меня? Проклятье! Наверное, мне нужно найти выход отсюда,» — нервно подумал я.

Я начал осматривать окрестности в поисках путей отступления. Не то чтобы я много мог

сделать, будучи двухлетним ребенком. Тем не менее я не собирался сдаваться, не попробовав.

— Можешь сказать, как тебя зовут — спросил мужчина.

Я ошеломленно посмотрел на него секунду, прежде чем ответить: — Хару…

На их лицах отразился шок.

Да. Это была правильная реакция.

Если бы мой сын умер, а потом ко мне приполз бы ребенок его возраста с таким же именем, как у него. Я бы тоже испугался.

— Это судьба! — заплакала женщина.

— Нет. Подожди, — ответил муж, — Ты знаешь, где твои родители, Хару? — добавил он.

Я покачал головой и ответил: — Нет…

— Тогда не мог бы ты назвать нам их имена? — спросил он.

Я еще раз покачал головой.

— Ты знаешь, где ты живешь? — снова спросил он.

— Нет, — ответил я.

— Что ты делал на улице прошлой ночью? Ты помнишь, почему ты был на улице голым? Тебя кто-то похитил? — взволнованно спросил он, на его лице появилось волнение.

Я покачал головой в третий раз, на этот раз с добавлением хныканья и шмыганья носом.

— Я не помню! — после этих слов я заплакал.

— О, бедный несчастный ребенок! Иди сюда! — сказала костлявая дама, притягивая меня в свои объятия.

Мужчина разминал виски. Это было нехорошо.

Его жена все больше привязывалась к мальчику. Он это видел. Он был почти уверен, что она попросит его оставить. И он был не прочь разрешить. За этот день он видел ее счастливее, чем за последние восемь месяцев вместе взятые. Но как же его родители? Они наверняка будут искать мальчика. Он не мог украсть частичку чужой семью ради собственного счастья.

Словно по сигналу, его жена повернулась к нему.

— Давай отведем его в полицию. Может быть, они помогут нам найти его родителей, — сказала она с улыбкой.

На его лице появилось выражение приятного удивления, а затем гордости. Ее боль была очевидна, как день, в свете ее глаз и на ладонях ее дрожащих рук. Ей было больно отказываться от своего счастья. Но даже в этом случае она решила быть большим человеком.

На лице мужчины заиграла радостная улыбка. Он был поистине благословлен тем, что у него

такая замечательная жена.

Он встал и позвонил своему другу в полицию. Это был настоящий переполох.

Примерно через час, когда я обедал, раздался стук в дверь.

Вошел человек в полицейской форме.

— Танума! Спасибо, что пришли, — сказал Фукаку.

— Ты что-то говорил о потерявшемся ребенке? — спросил Танума.

— Да. Это он, — подтвердил он, указывая в мою сторону.

— Могу я поговорить с тобой? Наедине? — Танума жестом указал на соседнюю комнату.

— Э-э... уверен? — ответил мужчина, следуя за полицейским.

Хм... Мне нужно знать, о чем они говорят. Но поскольку эта женщина преследует меня как орел? У меня нет шансов.

Я изобразил интерес к полицейскому и незаметно наклонился вперед, сдвинув со стола миску с макаронами.

— О нет! — воскликнула она.

— Простите! — поспешно сказал я.

— Нет. Все в порядке, — ответила она с доброй улыбкой.

— Тогда... можно мне еще пасты? — спросила я женщину со щенячьими глазками.

— Да. Конечно, можно, — сказала она, погладив меня по щекам, когда по ее лицу разлился румянец. Она с энтузиазмом побежала на кухню, чтобы приготовить мне еще.

Как только она скрылась из виду, я соскочил со стула и побежал за ними. Прижав ухо к двери, я услышал несколько слов.

— Что вы имеете в виду? — спросил мужчина.

— Я имею в виду, что в этом районе нет ни одной записи о мальчике такого возраста по имени Хару. По всем признакам, такого мальчика не существует! Скажи мне, Фукаку, где ты вообще его нашел? — спросил полицейский.

— Он появился у нас дома вчера вечером. У него был жар и мозоли по всему телу. И он был голый. Это ведь ненормально, не так ли? — ответил Фукаку.

— Нет. Не нормально. Хуже всего то, что когда я проверил камеры наблюдения по всему району, то не обнаружил никаких следов машины или дома. Он как будто появился из ниоткуда. Поверьте мне, этот паренек чертовски подозрителен, — сказал полицейский.

— Ему всего два года, Танума. Насколько подозрительным он может быть? — спросил Фукаку.

— Ты не поверишь, какое дерьмо вокруг творится. Все может быть подозрительным. Может, и

не он. Но кто бы ни стоял за тем, что с ним случилось? Определенно, чертовски подозрительный, — ответил полицейский.

— И что теперь будет? Я имею в виду с ним? — возволнованно спросил Фукаку.

— Ну, поскольку он ничего не помнит и у него нет документов, я ничего не могу сделать по закону. А если мы передадим его государству, неизвестно, что они сделают, чтобы выяснить, откуда он взялся, — сказал Танума.

— Тогда... как ты думаешь... можем ли мы оставить его у себя? Вырастить его как своего? — спросил Фукаку.

— Послушай, Фукаку, я знаю, что эта история с твоим сыном сильно тебя задела, но...

— Но что Танума? Мой сын мертв, и теперь у меня есть шанс помочь ребенку. С таким же именем, как у нашего сына. Это должно быть судьбой, чудом или чем-то еще, — прервал его Фукаку.

— Послушай, Фукаку, я думаю, будет лучше, если мы...

— Нет. Ты послушай. Пожалуйста. Танума. Моя жена. Она никогда не была так счастлива за 8 месяцев, прошедших с того случая. Это благословение. Пожалуйста. Я не могу смотреть, как ее сердце снова разбивается. Это второй шанс для нас. Пожалуйста. Неужели ты не можешь ничего с этим сделать? — взмолился Фукаку, подавляя рыдания.

— Эххх! — вздохнул Танума: — Ладно. Я сделаю что-нибудь. Но обещай мне вот что. Ни слова об этом не выйдет наружу, или все мы отправимся в тюрьму. Понял?

— Да. Да! Я обещаю. Спасибо. Огромное спасибо! — Фукаку заплакал от радости.

— Да-да. Только держи свой сопливый нос подальше от меня, — взволнованно ответил Танума.

Ага, это мой шанс. Я встал и побежал обратно к своему креслу, но, пока я шел обратно, женщина смотрела на меня.

— Куда ты ходил? — спросила она, уперев руки в бока.

— Я искал горшок! — по детски ответил я.

— Ты нашел его? — спросила она.

Я покачал головой.

— Нет...

— Хорошо. Я отведу тебя. Пойдем, — сказала она, подхватывая меня под мышки, как раз в тот момент, когда двое мужчин вышли.

— Ао-тян. Мы можем поговорить? — спросил Фукаку.

— Да, только одну минуту. Я отнесу его на горшок. Потом мы сможем поговорить, — ответила она.

— О, конечно. Тогда я провожу Тануму, — ответил он, ведя офицера к двери. Затем он

повернулся и показал ей большой палец вверх, и ее лицо засветилось, как фейерверк.

Как только я закончил какать, я вернулся в гостиную к этой паре.

Они усадили меня напротив себя, а сами сели на пол. Затем они задали мне вопрос. И я понял. Первый шаг моего плана удался.

— Хару-чан. Ты хочешь, чтобы мы стали твоими мамой и папой? — взволнованно спросили они.

В этот момент был только один логичный выбор. Мой ответ был: — ДА!

http://tl.rulate.ru/book/104483/3654103